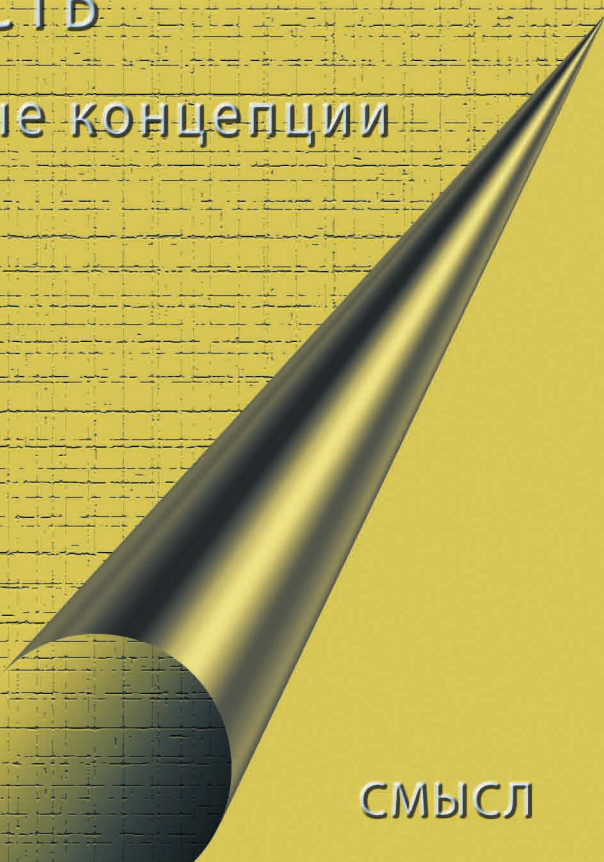

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.В. Иванченко, М.Ю. Казарян, Н.В. Кошелева

ТВОРЧЕСТВО,
ПРОФЕССИОНАЛИЗМ,
ДУХОВНОСТЬ

ИМПЛИЦИТНЫЕ КОНЦЕПЦИИ

СМЫСЛ

УДК 159.923
ББК 88.37
И 231

*Исследования выполнены в рамках исследовательского проекта
Российского гуманитарного научного фонда № 04-06-00288а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-06-16069*

Иванченко Г.В., Казарян М.Ю., Кошелева Н.В.

И 231 Творчество, профессионализм, духовность: имплицитные концепции. — М.: Смысл, 2012. — 192 с.

ISBN 978-5-89357-313-8

Монография посвящена исследованиям имплицитных концепций личности («обыденных представлений»). Дан систематизированный обзор трудов зарубежных и отечественных специалистов в данной области, а также приведены результаты собственных исследований авторов, посвященных изучению представлений людей о творчестве, профессионализме, вере и атеизме.

Адресуется психологам и всем специалистам, интересующимся данной проблематикой.

УДК 159.923

ББК 88.37

ISBN 978-5-89357-313-8

© Иванченко Г.В., Казарян М.Ю., Кошелева Н.В., 2012
© Издательство «Смысл», оформление, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. А.Н. Поддьяков	4
Введение	7
Глава I. Научные и обыденные представления о творчестве, профессионализме и духовности	11
Изучение обыденных представлений в социальных науках	11
Одаренность, креативность, творческие способности	23
Профессионализм и профессиональные качества личности	44
Духовно-нравственное развитие в современном обществе	62
Глава II. Программа и методы исследования обыденного сознания	77
Программа исследования и характеристика выборки	77
Тест смысловых ориентаций	84
Исследование креативности по методике Д. Джонсона	88
Методика «Оценка личных достоинств»	92
Глава III. Результаты исследований обыденного сознания	98
Результаты исследования представлений о творческой личности	98
Результаты исследования представлений о профессионализме	128
Общность представлений о творческой личности и профессионале	155
Исследование представлений о верующем человеке и убежденном атеисте	163
Заключение	175
Литература	178

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга написана тремя авторами: Г.В. Иванченко (1965–2009) и ее ученицами и сотрудницами — М.Ю. Казарян и Н.В. Кошелевой; подготовку книги к изданию осуществили М.Ю. Казарян и Н.В. Кошелева. Галина Владимировна Иванченко, помимо замечательных человеческих качеств, обладала чрезвычайно широким кругом научных интересов и вела глубокие исследования сразу во многих областях психологии, социологии, культурологии, философии. Ее работам, ее личности посвящен ряд эссе и статей, а два года назад вышла в свет подготовленная коллективом авторов книга «От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко» (сост. М.А. Козлова. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010).

Настоящее издание представляет существенный интерес для представителей разных дисциплин. Предметом рассмотрения в нем стали так называемые имплицитные концепции (или, как их также называют, обыденные представления) людей о творчестве, интеллекте, профессионализме, религиозности и атеизме. Это, видимо, первая книга на русском языке, где предлагается систематический подход к изучению данного круга представлений и сделан принципиально важный шаг вперед в эмпирических исследованиях имплицитных концепций сразу в нескольких областях.

Пытаясь реконструировать на основе данной книги и некоторых других работ замысел Г.В. Иванченко, можно предполагать (лишь предполагать), что она планировала изучение имплицитных концепций в различных областях и выявление фундаментальных связей между этими областями — тех связей, которые имеются в представлениях людей. Об этом свидетельствуют вошедшие в книгу исследования связей между представлениями о профессионале

и о творческом человеке, о религиозности/атеизме и о добродетелях. Однако ее проект остался незавершенным.

Среди наиболее важных результатов публикуемых в книге исследований следует назвать выявление связей между представлениями людей о том, что такое «профессионал» и «творческая личность», и их смысложизненными ориентациями. В книге показано, как у людей с разными смысложизненными ориентациями различаются имплицитные концепции творческого человека и профессионала. В этом же контексте следует рассматривать изучение того, как связаны представления человека о верующем человеке и атеисте с его представлениями о личных достоинствах и о самом себе. Оказалось, что в представлениях людей атеисты и верующие по ряду одних характеристик противоположны, но по ряду других скорее близки — в частности, их сближают как сам факт наличия мировоззренческой позиции, так и некоторые качества, связанные с этим фактом.

Выделение полярностей (религиозность–атеизм) и выявление отношения к ним (не всегда полярного, а более сложного) представляется очень продуктивным и эвристичным подходом в изучении имплицитных концепций.

Развивая этот подход и применяя его к другим изучаемым областям представлений (об интеллекте, творчестве, профессионализме), можно допустить следующее.

Проблема отношения людей к профессионализму, поднятая авторами, актуальна в значительной мере и потому, что остро актуальна проблема непрофессионализма, чему свидетельство — многочисленные ошибки управления, аварии и периодически случающиеся техногенные катастрофы. Но что думают люди не только о профессионализме, но и о непрофессионализме? Каков психологический облик непрофессионала в их глазах?

Можно предположить, что в представлениях людей психологический портрет непрофессионала не будет «негативом» портрета профессионала, полностью тождественным ему по всем используемым характеристикам, но с обратными знаками. В нем могут появляться другие характеристики, не фигурировавшие в представлениях о профессионале.

Другой вопрос: каков, по представлениям людей, психологический облик человека с низкой креативностью, который должен принимать нестандартные решения, а также облик и просто человека со сниженной креативностью — сниженной, что называется,

«по жизни»? И здесь, вероятно, представления людей о личностях с низким уровнем креативности не будут полностью тождественны их представлениям о творческой личности, но с обратным знаком, не будут всего лишь «негативом» характеристик творческой личности.

Соответственно, сопоставление представлений о непрофессионале/профессионале и представлений о личностях с низким/высоким уровнем креативности может дать новые интересные результаты.

Другое возможное измерение анализа связано с рассмотрением направленности профессионализма, творчества, религиозности, атеизма и других важных качеств. В данной книге авторы рассматривают такое творчество, которое «аккумулирует все прекрасное в жизни человека и направлено на гуманные, созидательные цели»; по умолчанию имеется в виду и соответствующий профессионализм. Но, к сожалению, не всегда творчество и профессионализм направлены именно на такие цели.

Представляется, что ответы на поднятые авторами вопросы очень важны для понимания общей структуры и содержания имплицитных концепций, имеющих у представителей весьма различных социальных и экономических групп, важны для понимания взаимодействия как самих людей, так и групп, которые они составляют.

Можно полагать, что предлагаемый в книге методологический и методический подход к получению и анализу данных, а также сами полученные результаты могут внести существенный вклад в создание научной базы такого понимания.

В данном предисловии обозначены те возможности анализа, которые автор увидел «со своей колокольни». Эвристичность предлагаемого в книге подхода состоит в том, что, в соответствии с развивавшимся Галиной Владимировной Иванченко принципом «необходимого разнообразия», самые разные люди могут «со своих колоколен» увидеть в этой книге что-то важное и ценное для своей области исследований и эксплицировать имплицитное, незамечавшееся, игнорируемое.

А.Н. Поддьяков,
ординарный профессор НИУ ВШЭ,
доктор психологических наук

Высокий профессионализм — обращенное в профессию творчество.

Лидия Гинзбург

Мыслить, знать, чувствовать, верить и как там еще называются щупальца, которыми человек нащупывает вселенную; они должны всегда работать во взаимодействии, только так мы и сможем выполнить свое призвание.

Йоганн Вольфганг Гете

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития общества предъявляет к личности определенные требования. Это способность к самостоятельной постановке жизненных целей, возможность осуществлять личный, свободный выбор, уверенность в себе, независимость, высокий уровень профессиональной компетентности. Самоценность личности, ее уникальность и неповторимость культивируются в системе высшего профессионального образования. Процесс подготовки кадров должен быть ориентирован не только на профессиональное, но и на всестороннее личностное, духовное и творческое развитие будущих специалистов.

Однако в системе образования существуют противоречия. Прежде всего, это противоречие между творческой компонентой и технологичностью. Требования времени таковы, что будущему специалисту необходимо не только получить большой объем знаний, но и научиться быть постоянно готовым к переменам, к творчеству. В этих условиях встает вопрос о формировании культуры, в которой соединяются высокий профессионализм, духовность и способность к творчеству.

Для того чтобы воспитать творчески активного профессионала своего дела, необходимо изменить устоявшиеся парадигмы образования, связанные в основном с накоплением уже готовых знаний, и создавать условия для самореализации, развития творческого потенциала каждой личности в процессе продуктивной деятельности. Творческий подход к делу, нестандартность мышления, независимость суждений помогают ориентироваться в условиях нестабильного общества. Наличие «творческих» качеств зачастую определяет результативность работы, влияет на профессионализм исполнения дела, является существенным фактором

при подборе молодых кадров. Вот почему в настоящее время возник вопрос о формировании специалистов «новой формации» в процессе обучения в вузе.

Преодолеть указанное выше противоречие призвана гуманизация образования, меняющая приоритеты и ставящая акцент не столько на ценности знаний, сколько — и главным образом — на ценности человека, его уникальности, неповторимости. Творчество, о какой бы области деятельности ни шла речь, не сводится к технологиям: с одной стороны, оно опирается на овладение определенным уровнем профессионализма, необходимых средств, но, с другой стороны, оно невозможно без личностного вклада. Творчество требует от человека смелости, необходимой для выхода за рамки привычного опыта, привычных схем мышления или действия. Становление личностных качеств, лежащих в основе креативности, инноваций, требует не только профессионального, но и личностного роста, духовного развития. Развитие общества определяется индивидуальным творческим потенциалом, и духовностью каждой отдельной личности.

Поэтому вопрос о культурном, духовном уровне современного молодого человека становится важной областью, к которой обращено внимание специалистов вузов. Московский координационный совет проректоров по воспитательной работе утвердил и принял к реализации концепцию воспитания московского студенчества под названием «Школа профессионализма, гражданственности, творчества». Согласно этой концепции, воспитание в рамках высшего учебного заведения должно быть ориентировано на создание условий для развития духовности обучающихся на основе общечеловеческих ценностей, оказание им помощи в жизненном самоопределении, нравственном, гражданском и профессиональном становлении, обеспечение самореализации, правовой защищенности личности.

Однако попытки практической реализации в образовательной среде ценностей, зафиксированных в понятиях «творчество», «духовность», «профессионализм», нередко встречаются с серьезными затруднениями. Причина этих затруднений может состоять в том, что авторы теорий и концепций не учитывают того, какой именно смысл вкладывают в понятия «творчество», «творческий человек», «профессионализм», «профессионал», «духовность», «вера» и «религиозность», обычные люди — те, из которых собираются «делать» творческих, активных, высоконравственных

профессионалов. Студенты и преподаватели воспринимают предлагаемые им ценности через призму своих обыденных представлений, и анализ и учет содержания этих представлений необходим всегда, когда речь идет о внедрении социальных изменений, так или иначе опирающихся на эти представления.

Представления, или имплицитные концепции, бытующие в обыденном сознании, — это ориентир в повседневной жизни. Люди прибегают к ним, решая задачи профессиональной или иной деятельности, взаимодействуя с другими, принимая решения. На основании своих обыденных представлений каждый человек ищет пути к саморазвитию и реализации своего творческого и профессионального потенциала.

Настоящая книга представляет собой попытку социологического и психологического анализа обыденных представлений (имплицитных концепций), опирающегося на данные нескольких эмпирических исследований. В первой главе дается теоретическое описание трех аспектов самореализации человека — творчества, профессионализма, духовности. Вторая глава посвящена описанию программы и методов исследования обыденного сознания, а третья — анализу результатов эмпирических исследований феномена обыденных представлений о творческой личности, о профессионале, о верующем человеке и атеисте. Подобные исследования, опирающиеся на теоретический и методический аппарат как социологии, так и психологии, проведены в нашей стране впервые. Книга демонстрирует подход к эмпирическому исследованию обыденных представлений, опирающийся на концепции Р. Стернберга и С. Московичи.

Результаты проведенных исследований, раскрывающие содержание обыденных представлений о профессионализме, творчестве, духовности, дают новый взгляд на возможности, которые открываются перед развивающейся личностью в ходе профессионализации, и на затруднения, с которыми она сталкивается. Полученные результаты позволяют расширить научные представления о творческих компонентах профессионализма, возможных путях нравственного развития подрастающего поколения, по-новому взглянуть на те характеристики, которые необходимо развивать в процессе обучения и воспитания.

Настоящая книга может быть полезной как исследователям, работающим в сфере социологического и психологического изучения обыденных представлений, так и специалистам в об-

ласти консультирования, профорientации, осуществляющим сопровождение педагогического процесса. Знание о том, какими принципами руководствуются студенты в повседневной жизни и деятельности, при принятии решений, позволяет согласовывать психолого-педагогические и воспитательные воздействия на житейские представления с самими этими представлениями и оптимизировать работу по психолого-педагогическому сопровождению профессиональной и личностной самореализации молодых людей.

Глава I. НАУЧНЫЕ И ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ, ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ И ДУХОВНОСТИ

Изучение обыденных представлений в социальных науках

В социальных науках часто возникает вопрос о соотношении научного и житейского знания. И. Кант отмечал: «...обыденное знание именно лишь благодаря систематическому единству становится наукой, то есть из простого агрегата знаний превращается в систему...» [Кант, 1994, с. 486]. Научное знание стоит на более высоком уровне вследствие применения научно обоснованных методов его получения, а значит, и большей достоверности. «Практически большинство традиционно выделявшихся в отечественной психологии форм общественного сознания — религия, идеология, мораль, эстетика и др., кроме науки, образованы совокупностью соответствующих религиозных, моральных и других представлений» [Абульханова, 2002, с. 96].

Научные теории получили название эксплицитных (от англ. *explicit* — ясный, точный, подробный). Ценность эксплицитных теорий состоит в том, что они были разработаны в рамках научных подходов и обоснованы, подтверждены эмпирическими исследованиями. В частности, эксплицитные теории касаются различных явлений психической жизни человека. Примерами эксплицитных теорий в области способностей и интеллекта, по мнению Р. Стернберга [Sternberg, 1985], являются модель структуры интеллекта Дж. Гилфорда, двухфакторная теория Ч. Спирмена, теория сохранения Ж. Пиаже и т.д.

Однако многие термины и в науке, и в общеупотребительной лексике звучат одинаково, хотя вкладываемый в них смысл различен. Например, понятие «личность», существующее и в психологии, и в социологии, неоднозначно трактуется в профессиональной среде и в области житейской психологии. Поэтому для

наук, исследующих различные аспекты бытия человека, изучение представлений, свойственных обыденному сознанию, является крайне важным, так как именно они отражают формулировки, которыми пользуется большинство людей в определении научных явлений.

Обыденное сознание базируется на непосредственном повседневном опыте людей и на тех представлениях, знаниях, установках и стереотипах, которые доминируют в их социальной общности. Основу обыденного сознания составляют не научные знания, полученные при применении объективных методов исследования, а так называемая народная мудрость, которая дает возможность делать «правильные» выводы на основании многократно повторяющихся связей между элементами опыта, прошедших проверку практикой повседневной жизни. Для обыденного сознания характерны ошибочные по сравнению с научными представления, препятствующие, с точки зрения науки, проникновению в истинную сущность явлений.

В такой трактовке обыденные знания (имплицитные, от англ. *implicit* — невыраженный, скрытый) противопоставляются эксплицитным концепциям. Имплицитные концепции существуют на уровне сознания каждого человека, хранятся в опыте практически у каждого. Иными словами, это обыденные представления людей, в нашем случае — обыденные представления людей о психологии человека. И это не просто повседневные знания людей, но систематизированные представления о структуре и механизмах существования и функционирования человека, природы и общества. Наука не должна пренебрегать этими знаниями, если она преследует цель преодолеть проблему взаимосвязи теории и практики, научного познания и жизни.

Говоря об имплицитных концепциях, чаще всего предполагают имплицитные концепции личности, хотя предметом имплицитных концепций могут выступать не только личностные особенности, но и другие индивидуальные процессы и характеристики, такие как память, интеллект и пр.

В 1954 г. Дж. Брунер и Р. Тагиури ввели понятие «имплицитная теория личности» («наивная концепция личности», «теория личности здравого смысла»), под которым они понимали одну из форм социального восприятия, включавшую в себя представления индивида о структуре и механизмах функционирования личности, своей или другого человека [Bruner, Tagiuri, 1954]. Имплицитные теории

личности лежат не только в основе восприятия других людей, но и в основе объяснения их поведения. Наблюдая за поведением, реакциями людей, субъект пытается это как-то объяснить, обобщает их личностные черты.

Существуют два понимания сущности имплицитных концепций:

1) в широком смысле слова — это совокупность неявных представлений человека или группы людей о структуре и механизмах функционирования личностных образований;

2) в узком смысле слова — это неявные представления о связях между чертами личности.

Для обозначения знаний, полученных в повседневном опыте и плохо поддающихся описанию, М. Полани в 1966 г. ввел термин «неявные знания» [Polanyi, 1972]. Неявные знания позволяют успешно решать задачи в обыденной деятельности. Их приобретение происходит неосознанно, но они необходимы для успешной адаптации к обществу, профессии, окружающей обстановке и людям. Неявное знание часто даже не получает словесного выражения, однако оно подсказывает оптимальное решение, позволяющее достичь максимального эффекта [Практический интеллект, 2002]. Данная трактовка, с точки зрения Р. Стернберга, позволяет считать термины «обыденное сознание», «неявные знания» и «имплицитные концепции» тождественными.

В несколько ином смысле соотношение терминов «обыденные представления» и «имплицитные концепции» понимал В.Н. Дружинин [2000, с. 146]: имплицитная концепция может быть обыденной, но не всегда декларируема. Вместе с этим декларируемое не всегда осознается и реально используется в процессе общения. Таким образом, понимание какого-либо явления, использование этого понимания на практике и словесное выражение своих представлений не обязательно совпадают. Следовательно, по мнению В.Н. Дружинина, Р. Стернбергом исследовались декларируемые обыденные представления, которые не могут именоваться «имплицитными концепциями» в строгом смысле этого слова.

Здесь уместно вспомнить теорию социальных репрезентаций французского социального психолога С. Московичи. Именно он ввел специальный термин — «социальные представления» — для обозначения целого класса явлений индивидуального и общественного сознания, которые выполняют функцию опосредования любых взаимодействий человека с миром.

С. Московичи дал этому термину такое определение: «Под социальным представлением мы понимаем совокупность понятий, выражений и объяснений, порожденных повседневной жизнью... В нашем обществе они выполняют ту же роль, что мифы и верования в традиционных обществах, можно даже расценить их как современные версии здравого смысла» [Moskovici, 1981, р. 181]. Основными чертами данных социально-психологических феноменов является то, что они поддерживаются и разделяются большинством людей и являются знаниями само собой разумеющимися, понятными и не требующими дополнительных обоснований. Это те знания, которыми мы владеем, как нам кажется, с самого рождения, даже не допуская мысли, что может быть как-то иначе. Этими знаниями и умениями мы пользуемся все время, обмениваясь ими друг с другом и с полной уверенностью объясняя себе происходящее, и обновляем их чтением или опытом. Такие житейские представления, существующие в различных сферах жизни, и составляют «нашу способность воспринимать, делать выводы, понимать, вспоминать, чтобы придавать смысл вещам или объяснять личностную ситуацию» [Московичи, 1995, с. 6]. С одной стороны, они выступают в качестве определенных посредников между людьми, конституирующими их взаимодействие, с другой — получают свое существование из человеческой коммуникации.

Точно так же и имплицитные концепции личности, которые представлены в виде системы связей между чертами, позволяют человеку на основе информации о наличии определенных черт у партнера по общению быстро выдвигать гипотезы о наличии у него других черт. Можно сказать, что это устойчивое, сформировавшееся в ходе жизни человека представление о взаимосвязи внешнего облика, поведения и черт личности людей, на основе которого он судит о людях в условиях недостаточной информации о них.

Согласно теории атрибуции Ф. Хайдера, человек объясняет причины поведения других людей через соотношение их личностных ресурсов и «сил окружения». Чем больше силы окружения, например величина препятствия, тем ниже ответственность субъекта за последствия. Конечный результат «наивного анализа поведения» — суждение о степени «личной ответственности» деятеля за совершенный поступок, которая будет тем большей, чем слабее были силы окружения. Ф. Хайдер выделил пять уров-

ней личной ответственности, каждый из которых оценивается на основе взаимосвязи между личностными ресурсами и силами окружения [Heider, 1958]. В работах Э. Джонса и К. Дэвиса связь между личностной чертой и поступком рассматривалась через соотношение двух параметров: уникальность/типичность результата и малую/большую социальную желательность результата [Jones, Davis, 1965]. Г. Келли полагал, что субъект выносит суждение о связи поступка с личностными чертами через соотношение представлений о субъекте, поступке и ситуации [Kelley, 1971].

Основоположники теории имплицитных концепций подчеркивали, что подобные представления формируются не в рамках научного исследования (то есть не с использованием стандартизированных средств шкалирования и точных знаний о характере выборок, нормальности распределения и др.), а в повседневной жизни, часто на основе интуиции, мимолетного и малоосознанного ощущения. Такие представления не имеют строгого понятийного обоснования, но в многочисленных экспериментах показано, что в среднем имплицитная концепция личности того или иного человека бывает достаточно адекватной — она соответствует тем свойствам личности, которые могут быть зафиксированы в научном исследовании с использованием точных средств измерения или математической статистики.

Имплицитные концепции позволяют сформировать целостное впечатление о другом человеке на основании неполной, иногда отрывочной информации о его личностных особенностях. Источниками имплицитных концепций о личностных особенностях могут быть:

- культура воспитания,
- авторитет родителей,
- индукция в процессе получения личного опыта,
- сознательное конструирование,
- каузальная атрибуция, предубеждение [Моргунов, 2004].

Возникло несколько теорий имплицитного знания, например, теория личностных конструкторов Дж. Келли, теория черт личности Г. Олпорта. Но наиболее известным специалистом в этой области является Р. Стернберг, который так определил основные особенности имплицитного знания:

1. Имплицитное знание возникает самостоятельно, оно не является результатом специального обучения. Формирование им-

плицитного знания происходит без чьей-либо помощи или при минимальной помощи со стороны (другие люди, средства массовой информации), поэтому неявные знания труднообъяснимы, часто остаются невысказанными и их значение плохо осознается. Человек не может объяснить, как он их получил, но использует их в повседневной жизни, профессиональной деятельности и общении.

2. ИмPLICITное знание связано с конкретным применением в определенных ситуациях.

3. ИмPLICITное знание имеет практическое значение лишь для того человека, который им обладает, потому что получено на основе собственного опыта. Человек сам определяет, как действовать в данной ситуации, в соответствии со своими индивидуальными особенностями и жизненным опытом [см.: Практический интеллект, 2002].

Знание о себе включает знание о множестве реальных и потенциальных Я, каждое из которых влияет на актуальное поведение в зависимости от эмоциональной и когнитивной значимости [Marcus, 1977].

Рассматривая психологические процессы и механизмы самосознания, благодаря которым формируются, поддерживаются и изменяются представления индивида о себе, И.С. Кон раскрывает понятие «Я» как активно-творческое, интегративное начало, позволяющее индивиду не только осознавать себя, но и сознательно направлять и регулировать свою деятельность. Он подчеркивает, что это понятие включает в себя двоякий смысл:

1) «Я» как субъект мышления, рефлексивное «Я» — активное, действующее, субъектное, экзистенциальное «Я», или «Эго»;

2) «Я» как объект восприятия и внутреннего чувства — объектное, рефлексивное, феноменальное, категориальное «Я», или образ «Я», «понятие Я», «Я-концепция». Рефлексивное «Я» — своего рода когнитивная схема, лежащая в основе имPLICITной теории личности, в свете которой индивид структурирует свою социальную перцепцию и представления о других людях [Кон, 1984].

Данные представления о структуре Я можно соотнести с понятием личностных конструктов в теории Дж. Келли. Дж. Келли развивал мысль Дж. Брунера об индивидуально личностных эталонах восприятия окружающего мира и предложил метод операционального изучения имPLICITных теорий личности. В основе теории Дж. Келли лежит то, как индивиды интерпретируют явления или

людей в своем окружении. Назвав свой подход теорией личностных конструкторов, Дж. Келли концентрирует внимание на психологических процессах, которые позволяют людям организовать и понять события, происходящие в их жизни. Личностный конструктор — это идея или мысль, которую человек использует, чтобы осознать или интерпретировать, объяснить или предсказать свой опыт [Хьелл, Зиглер, 1997].

В системе представлений каждого индивида есть специфические, присущие только ему составляющие, обусловленные его индивидуальным опытом. Эти частные категории индивидуального сознания, отражающие индивидуальный опыт субъекта, его собственные «идеальные» мерки, — личностные конструкторы. Согласно Дж. Келли, «личностные процессы направляются по руслу конструкторов, которые служат средствами предвидения событий» [Kelly, 1963, p. 46]. Под личностными конструкторами понимается система бинарных оппозиций, используемых субъектом для категоризации себя и других людей. Содержание противопоставления при этом определяется не языковыми нормами, а представлениями самого испытуемого, его «имплицитной теорией личности». <...> Личностные конструкторы и определяют ту систему субъективных категорий, через призму которых субъект осуществляет межличностное восприятие. Чем шире набор личностных конструкторов у субъекта, тем более многомерным, дифференцированным является образ мира, себя, других, то есть тем выше его когнитивная сложность» [Петренко, 1988, с. 68–69].

Принимая во внимание тот факт, что Дж. Келли определил дихотомическую структуру личностных конструкторов, можно предположить, что и имплицитным концепциям присуща биполярная структура. Это выражается в обыденной речи («хорошо–плохо», «правильно–неправильно», «черное–белое»). Работы в области социальной психологии показывают, что большинство людей склонны воспринимать себя как более «хорошего», «умного», «смелого» и т.д. Люди чаще приписывают успехи своим способностям и усилиям, а неудачи — таким внешним факторам, как невезение или нерешаемость проблемы «в принципе» [Майерс, 2005, с. 74]. Поэтому в имплицитной теории личности довольно четко представлена и имплицитная концепция нормы. Если в научном рассмотрении определить понятие нормы достаточно сложно, то на уровне обыденного сознания человек располагает вполне четким субъективным представлением о том, что значит

«нормально» и «не нормально». На уровне обыденного сознания норма может быть рассмотрена как некоторое соответствие каким-либо качествам, и тогда отклонение от нормы воспринимается как своеобразная порча, поломка естественного состояния. Е.В. Улыбина [2001] отмечает в качестве отличительной особенности имплицитной теории личности необъективность представлений субъекта, так как носитель теории также является и сферой ее применения, что повышает его субъективность и предвзятое отношение. Реальность имплицитной теории может быть представлена двояко. С одной стороны, эмпирический опыт субъекта сближает ее с реальностью, но, с другой стороны, эта теория подвержена влиянию идеологии и стереотипов, и, следовательно, в ней отражена искаженная действительность. То есть в имплицитной теории можно изучать как особенности представлений, сформированных в индивидуальном опыте субъекта и отражающих его образ мира, так и сферы, где опыт не оказывает существенного влияния на формирование представлений в сознании человека [см.: Улыбина, 2001].

В последние десятилетия изучение имплицитных концепций и представлений становится все более популярным. Рассматриваются различные стороны личности, особенно интеллектуальные. Например, термин «практический интеллект» был введен Р. Стернбергом для понимания способности находить (часто не вполне осознанно) «неявное знание» в практических проблемных ситуациях, которые имеют для субъекта очевидную смысловую ценность [Практический интеллект, 2002]. Неявное знание помогает успешно справляться с проблемными ситуациями (критическими случаями, по Дж. Фланагану). Исследования профессиональной деятельности, проведенные Дж. Фланаганом, стали основой для изучения представлений. Описанный им метод критических случаев предполагает сбор сотен описаний эпизодов, реально происходивших на рабочем месте респондентов, в которых сотрудники действовали эффективно и неэффективно. В исследовании были собраны наблюдения опытных специалистов, руководителей и других работников [Flanagan, 1954]. На основе метода Дж. Фланагана Р. Стернберг разработал процедуры выявления видов неявного знания и построения на их основе опросников для аттестации компетентности работников разных сфер, а также для предсказания будущей профессиональной успешности претендентов на вакансии.

Исследовать имплицитные концепции в отношении интеллекта впервые предложил У. Найссер в 1979 г. [Neisser, 1979]. Он показал путь изучения того, как люди объясняют понятие «интеллект» «обычным языком». Этот подход был реализован в исследованиях Р. Стернберга с соавторами в 1981 г. В данных исследованиях принимали участие две группы респондентов: случайным образом выбранные люди и исследователи-теоретики проблемы интеллекта человека. Респондентам необходимо было выделить наиболее важные, по их мнению, качества интеллектуального человека. Затем был проведен факторный анализ, который выявил основные представления людей об интеллекте [Практический интеллект, 2002].

Но, как было показано позже, этой обыденной точке зрения присущи определенные ограничения. Одно из них связано с возрастом. Представления детей узки, взрослых — многоаспектны. А представления о детях отличаются от представлений о взрослом человеке. Следующее ограничение касается культурных традиций, так как представления в различных культурах имеют свои специфические особенности. Например, было обнаружено различие в имплицитных концепциях одного и того же явления (интеллекта) в европейской, американской, азиатской и африканской культурах. Тем не менее был сделан вывод о том, что, хотя восприятие этого явления различно, есть сходные аспекты для всех народов. Эти аспекты составляют основу научно обоснованных концепций. То есть научные теории «работают» для всех людей, а имплицитные — в рамках определенного возраста и культуры. Поэтому при изучении имплицитных концепций необходимо учитывать культурный и возрастной факторы.

Р. Стернберг и его сотрудники провели различные эксперименты, на основе которых были сделаны выводы о сущности имплицитных концепций. Р. Стернберг утверждает, что имплицитные концепции не являются достоянием общественности и узнать их можно методом опроса или наблюдения за поведением в специально созданных проблемных ситуациях. Люди не задумываются над своими имплицитными концепциями, а проявляют их в ежедневных суждениях и поступках. Например, у каждого есть определенное представление о том, что такое одаренность, и, встречая человека, соответствующего этим представлениям, субъект делает вывод, что это — одаренный человек, особенно не задумываясь о критериях этого вывода. Для науки же, по мнению

Р. Стернберга, важно изучать имплицитные концепции людей, чтобы понять внутренние механизмы личности человека и различных психологических явлений. Стернберг выдвигает четыре преимущества научного изучения имплицитных концепций:

1. Исследование имплицитных концепций помогает четче сформулировать взгляды, бытующие в обществе в данный период времени.

2. Понимание имплицитных концепций людей является основой для разработки эксплицитных теорий, которые сами по себе также отчасти являются имплицитными концепциями исследователей, но, в отличие от концепций обычных людей, они осознанны и научно подтверждены.

3. Имплицитные концепции оказывают на жизнь и деятельность людей большое влияние; эксплицитным теориям, меньше связанным с практикой, это не свойственно.

4. При изменении принятых в науке точек зрения об изучаемом явлении, например при усовершенствовании критериев для отбора одаренных детей, необходимо знать обо всех имеющихся представлениях и способах этого изменения, по мнению заинтересованной аудитории [Sternberg, 1993].

Тем самым Р. Стернберг и его коллеги подчеркивают важность изучения обыденных представлений людей о каких-либо психологических фактах, не отрицая значения научных теорий. Исследования, проведенные Р. Стернбергом, касались имплицитных концепций интеллекта, креативности, мудрости и одаренности. Каждое из них раскрывало факторную структуру изучаемого явления.

В отечественной психологии были проведены исследования представлений относительно различных сфер личности. Вот некоторые из них. Представления о русском человеке были описаны М.И. Воловиковой [1998]. Н.Л. Смирнова (Александрова) [Смирнова, 1995] изучала представления об умном человеке. М.И. Воловикова и Л.Л. Гренкова исследовали представления о порядочном человеке [Воловикова, Гренкова, 1997; Гренкова, 1998]. Е.А. Чудиной [1998, 2005] рассматривались представления об эмоционально зрелой и эмоционально неустойчивой личности. О.Б. Литаврина, В.В. Панкина, И.М. Кондаков [2003] показали особенности «имплицитных теорий личности» в школьном возрасте. Проводились и кросскультурные исследования — в частности, представлений о нравственном человеке на примере народа саха и русского народа